246
254

По 3^му^ приб. къ каталогу Краше-
нинникова значится за № 14677.
Ц. — 50 к. сер.

И 246/254

6 р.

И 246/254

О ПѢНІИ ВЪ РОССІИ.

Соч. Ѳ. Львова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

въ типографіи вдовы Плюшаръ съ сыномъ.

1834.

9834

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, 6 Маія 1854 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

ф20301-43

О ПѢНІИ

ВЪ

РОССІИ.

Соображая, что на счетъ музыки всѣхъ извѣстныхъ націй писано, признаться надобно, что свѣдѣнія иностранныя о музыкѣ Россійской такъ ограничены, что, по краткости и невѣрности оныхъ, не видно прямыхъ основаній, на коихъ бы утвердительно заключить можно было, что даръ сей Россіянину не чуждъ; тѣже свѣдѣнія, какія мы имѣемъ въ собственныхъ

источникахъ, ограничиваются однимъ пѣніемъ церковнымъ, которое представляется въ преимущественномъ видѣ противъ Италіянскаго, безъ подробнаго показанія существенныхъ причинъ сего преимущества.

По симъ уваженіямъ, я надѣюсь на снисхожденіе благосклоннаго читателя, если, вошедъ въ чудесное дѣйствіе сего особаго магнитизма, въ мірѣ разсыпаннаго, я пойду искать корня сего дарованія въ неподражаемыхъ выраженіяхъ пламеннаго Русскаго сердца.

Подъ словомъ *музыка* разумѣется обыкновенно инструментальная и пѣвческая вообще; но какъ музыкальные инструменты суть не иное что, какъ придуманныя орудія въ подражаніе и въ пособіе голосу, то, поелику настоящее разсужденіе относится единственно къ разбору различныхъ родовъ пѣнія, я объ немъ одномъ и

говорить буду.... Пѣніе есть душа и жизнь музыки!

О МУЗЫКѢ ВООБЩЕ.

Извѣстно, что согласное, или, лучше сказать, соразмѣрное совокупленіе звуковъ посредствомъ слуха дѣйствуетъ на нервы человѣка точно такъ, какъ на струны, болѣе или менѣе напянутыя, и что тончайшія фибры болѣе другихъ приводятся въ движеніе. Движеніе сіе располагаетъ или къ грусти, или къ веселости; но какимъ образомъ такое расположеніе совершается, — по таинственному сліянію физическихъ силъ человѣка съ нравственными, не извѣстно; одно только замѣтить можно, что дѣйствіе музыки отъ дѣйствія другихъ предметовъ на человѣка тѣмъ различны, что веселость, возбуждаемая

музыкою, не ограниченна, и можетъ возносить къ восторгу; а унылые ея не только не производитъ мучительнаго страданія, но крайне привлекательно, вводитъ человѣка въ самаго себя, и питаетъ его неизъяснимою какою-то прелестью. Какъ безчисленны оттѣнки и измѣненія чувствъ сердечныхъ, въ той же мѣрѣ безчисленны и дѣйствія гармоніи и мелодіи. Очаровательная сила ихъ, при всей неопредѣленности своихъ выраженій, часто съ быстротою молніи поражаетъ сердце, неожиданно открываетъ источникъ неоцѣненныхъ слезъ, и врѣзывается глубже, нежели слово!

Въ самой глубокой древности знаменитые умомъ люди въ безсмертныхъ твореніяхъ своихъ свидѣтельствуютъ, что посредствомъ размѣреннаго созвучія исцѣлялись болѣзни, возбуждались или укрощались народныя волненія, возгаралась молитвы, изображались страсти; музы-

кѣ повиновались живопныя, и даже бездушныя какъ будто приходили въ чувство. (*) Въ ближайшія къ намъ времена свидѣтельствуются подобныя почти дѣйствія музыки (**).

За симъ какъ не признать, что музыка, сей феноменъ, на землѣ какъ солнце видимый, многимъ необходимый, былъ всегда и есть какой-то волшебный предметъ изящности; опрадный и безотлучный товарищъ, питающій сердце во всѣхъ превратныхъ положеніяхъ человѣка; краса и жизнь въ Божественныхъ храмахъ, въ высокихъ чертогахъ, въ низкихъ шалашахъ, въ мрачныхъ темницахъ; питающій сердце, которое, будучи выше всѣхъ блестящихъ призраковъ Фортуны, въ самой низкой и горест-

---

(*) Гермесъ, Платонъ, Плутархъ, Пивагоръ, и проч.

(**) Кирхеръ-Мерсенъ, Бурдело, Боергаве, и проч. (Encyclopédie. Art. *Musique*).

ной долѣ, по мѣрѣ чистоты своей, находитъ наслажденіе!

Силы сего дарованія различіемъ своихъ чудесныхъ дѣйствій удивляютъ! Пѣніе человѣка въ любви къ Богу не есть пѣніе человѣка разсѣяннаго въ вожделѣніяхъ страстныхъ. — Первое, приближаясь къ источнику жизни, сливается съ нею, и волшебною какою-то властію къ тому же источнику привлекаетъ другихъ. Тутъ въ непостижномъ вдохновеніи оно возноситъ въ другой міръ, или какъ будто сводитъ на землю небо! Напротивъ того, человѣкъ, суетными мечтами развлекаемый, и въ пѣніи своемъ томится непрестанною жаждою, и въ неизмѣримыхъ безводныхъ степяхъ ищетъ утоленія. Мелькаетъ его даръ, но мелькаетъ какъ огонь, изъ пороховыхъ составовъ вырывающійся, мгновенный свѣтъ рядомъ съ бездонною темнотою! Мгновенное удовольствіе, въ единый мигъ пропадающее!

Не говоря о другихъ изящныхъ художествахъ, которыя всѣ безъ изъятія обязаны усовершенствованіемъ своимъ и неувядаемою славою тому возвышенному чувству къ Богу, отъ коего они проистекаютъ, не изъемля изъ сей истины и временъ языческихъ, возмемъ въ примѣръ одну только музыку, и мы ясно увидимъ, что духъ, мысль, слово, выраженіе человѣка, объятаго чувствомъ небеснымъ, исполнены особыхъ качествъ: — особая въ нихъ сила, — особый огонь сердечный, — особый восторгъ, — особое наслажденіе, которые, будучи освѣщены важною, поражающею простотою, разогрѣваютъ сердце, и наполняютъ его единымъ чувствомъ изображаемаго предмета. Если же, напротивъ того, представить въ примѣръ музыку, вдохновенную свѣтскостью, общежитіемъ, сближающими человѣка съ временными наслажденіями краткой его жизни, легко опять увидѣть

можно; что и духъ, и мысль, и пѣніе, и выраженіе такого человѣка будутъ уже другаго рода. Они разсѣются его въ различныхъ предметахъ, съ нимъ кружащихся; пробудятъ въ немъ страсти, погонятъ его за хвалою, за именемъ, за славою; словомъ: обратятъ все его вниманіе, весь трудъ на одно искусство, которое онъ будетъ выказывать въ различныхъ видахъ и измѣненіяхъ, такъ, что человѣкъ, слушая въ святомъ храмѣ пѣніе, во вдохновенной простотѣ составленное, забудетъ объ искусствѣ, и наполнится единымъ чувствомъ благоговѣнія; напротивъ того, изысканная и витіеватая гармонія, заставивъ его забыть, что онъ стоитъ въ храмѣ Божіемъ, обратитъ все его вниманіе на поражающее искусство.

Вотъ, слѣдовательно, ясное различіе между музыки церковной, и музыки свѣтской.

Я обязанъ предварительно сказать, что свѣтскою музыкою не называю я музыку народную, о которой буду говорить ниже.

О ЦЕРКОВНОМЪ ПѢНІИ

ВЪ РОССІИ.

Относительно церковнаго нашего пѣнія, мало что на отечественномъ языкѣ у насъ издано было. Правда, что нѣкоторыя изъ Лѣтописей и Исторій нашихъ указываютъ на источникъ онаго, но говорятъ кратко, и безъ всякихъ изслѣдованій на счетъ дѣйствительнаго происхожденія сего пѣнія. Въ первый разъ въ 1804-мъ году издано было въ свѣтъ историческое разсужденіе о пѣніи Россійской Церкви, въ которое введены были не только свидѣтельства нашихъ лѣтописей, но и многіе Латинскіе писате-

ли, Исторіею музыки занимавшіеся. Разсужденіе сіе перепечатано было въ 1823-мъ году, и помѣщено между статей, читанныхъ въ публичномъ собраніи Александро-Невской Академіи; въ 1831-мъ году о семъ же самомъ предметѣ помѣщена была статья въ Журналѣ подъ названіемъ *Христіанскаго чтенія*, и въ сихъ единственныхъ сочиненіяхъ видны уже свѣдѣнія и соображенія о происхожденіи церковнаго нашего пѣнія, и заключенія, достойныя всякаго уваженія, но, смѣю сказать, болѣе по свѣдѣніямъ историческимъ, нежели по знаніямъ собственно музыкальнымъ.

Все, что представляютъ Іоакимова и Никонова Лѣтописи, Степенная книга, описаніе временъ Ярослава 1-го Митрополитомъ Кипріаномъ, правила Лаодикійскаго Собора, все, что написали многіе прежніе Латинскіе и нынѣшніе Европейскіе авторы на счетъ музыки, въ Христіанскихъ

Церквахъ введенной, состоитъ въ слѣдующихъ главнѣйшихъ событіяхъ:

По свидѣтельству Климента Александрійскаго, при первомъ появленіи Христіанской Церкви, пѣніе въ оной было Еврейское, соединенное съ Греческимъ Дорическаго рода, которое отличалось отъ прочихъ родовъ важностью и простотою; — и Англійскій историкъ музыки Стафордъ упоминаетъ, что въ 3-мъ столѣтіи Епископъ Павелъ Самосадскій былъ признанъ еретикомъ за то, что изгналъ изъ Церкви пѣніе псалмовъ Давидовыхъ; (*) а Левъ Великій, жившій въ 5-мъ столѣтіи, говоритъ: *не въ наиу славу, но въ славу Христа Спасителя пѣли мы въ одинъ голосъ псалмы Давидовы.*

Исидоръ Испалійскій приписываетъ сему простому пѣнію силу произво-

---

(*) Histoire de la musique par Stafford, traduite de l'anglais par M. Fetis — 1832, p. 177.

дить въ сердцахъ такое смягченіе, за которымъ возгаралось пламя молитвы, что увепржда̀етъ и блаженный Августинъ; но съ самыхъ первыхъ временъ Христіанства Пѣснописцы начали уже дава̀ть священнымъ пѣснямъ собственные напѣвы, которые постепенно ихъ измѣняли, чѣмъ крайне озабочены были и Василій Великій, и Іоаннъ Златоустъ, и блаженный Августинъ, и Соборъ Лаодикійскій; и наконецъ отступленія сіи такъ сдѣлались ощутительны, что въ 4-мъ столѣтіи Константинъ Великій повелѣлъ церковное пѣніе исправить; Св. Аѳанасій Александрійскій преобразовалъ пѣніе въ Александріи; Августинъ по сему примѣру ввелъ таковое въ Церкви Иппонпиской, отпкуда перешло оно во всѣ Африканскія Церкви; въ концѣ же 4-го столѣтія, Амвросій Медіоланскій установилъ первобытное простое пѣніе на Западѣ. Но какъ всѣ постановленія человѣче-

скія по времени измѣняются, и постоянными быть не могутъ, то въ 6-мъ столѣтіи Папа Григорій вздумалъ Амвросіевское пѣніе усовершенствовать, украсилъ оное особою гармоніею, и съ симъ вмѣстѣ допустилъ произвольное въ пѣніи искусство. Въ нашей Восточной Церкви оставалось оно прежнее безъ всякой опредѣленности, и слѣдовательно также подвержено было произвольнымъ измѣненіямъ, и потому Св. Іоаннъ Дамаскинъ расположилъ весь кругъ священнаго пѣснопѣнія на 8 гласовъ.

Гласы сіи суть не иное что, какъ 8 разныхъ простыхъ и краткихъ мелодій. Авторъ статьи сей *въ Христіанскомъ чтеніи* говоритъ, что гласы примѣнены были къ четыремъ Греческимъ напѣвамъ — Дорическому, Іонійскому, Фригійскому и Лидикійскому, составляющимъ 8 гласовъ, если къ симъ четыремъ присовокупить еще четыре, съ измѣненіемъ чистой

терціи каждаго аккорда полутономъ ниже; (*) относительно же причины, по коей именно 8 гласовъ опредѣлены были, пишетъ, что нѣкоторые находятъ въ семъ числѣ уподобленіе шести днямъ творенія, седьмому дню покоя, и осьмому вѣчнаго субботствованія; — другіе полагаютъ, что Св. Дамаскинъ осмеричнымъ числомъ гласовъ хотѣлъ изобразить число семи прошекшихъ вѣковъ Христіанства, и проч.

Не утверждая и не отвергая сихъ догадокъ, я осмѣливаюсь объяснить мое на счетъ сей мнѣніе потому только, что усматриваю ближайшія причины, заставившія ограничить священное наше пѣніе восмью гласами, и думаю, что по числу молитвъ, въ богослуженіи нашемъ употребляемыхъ, меньшаго числа опредѣлить было не возможно; но между тѣмъ не могу

(*) Христіанское чтеніе, часть 43-я, стр. 156-я.

однако и того не замѣтить, что нѣкоторыя изъ предположеній о достоинствѣ сихъ 8-ми гласовъ не совсѣмъ для меня убѣдительны; — они несомнѣнно имѣютъ свои достоинства, и высокія, но, если смѣю сказать, не тѣ, какія объясняетъ Авторъ статьи сей *въ Христіанскомъ чтеніи*, напримѣръ: чтобы одинъ сіи 8 мелодій были найдены способными выражать разнообразное содержаніе Св. пѣсней, и чтобы онѣ пробуждали въ Христіанахъ тѣ чувствованія, которыя необходимы для возношенія молитвъ ко Всевышнему, (*) того по истинѣ съ понятіями моими согласить я не могу.

Опредѣленные 8 гласовъ могутъ быть производимы на каждомъ тонѣ октавы, и между тѣмъ быть разнообразны въ своемъ сложеніи; почему же надобно было 8 тоновъ для выра-

---

(*) Христіанское чтеніе, часть 43, стр. 155-я.

женія 8 гласовъ, которые могли быть расположены на двухъ, трехъ, четырехъ и болѣе понахъ по произволенію? — потомъ:

Хотя каждый гласъ, или каждая мелодія, выражаетъ чувство, но самое сіе выраженіе на одного слушателя дѣйствуетъ такъ, а на другаго иначе; слѣдовательно, нѣтъ опять никакой возможности утвердить, чтобы одни сіи 8 гласовъ опредѣлительно изображали содержаніе Св. пѣсней. Въ подвигѣ же Св. Іоанна Дамаскина, ограничившаго, какъ выше сказано, священное пѣніе, обнаруживается, по моему мнѣнію, не только необычайный геній, но въ семъ святомъ мужѣ вижу я дальновиднаго ревнителя торжества Восточной Христіанской Церкви, и усерднаго подвижника къ сохраненію единообразія въ воспѣваемыхъ выраженіяхъ молитвою объятаго сердца. Вижу, что когда опредѣлилъ онъ священное пѣніе на основаніи 8 гла-

совъ, иногда настояла въ томъ истинная необходимость, потому во первыхъ, чтобы молящіеся не развлекались разнообразіемъ и безпрестанною новостью напѣвовъ; — во-вторыхъ, чтобы опредѣленное число мелодій, будучи неизмѣннымъ, укоренялось въ общемъ вниманіи, и простымъ, но вѣрнымъ и важнымъ напѣвомъ не заглушало бы молитвы, и превращалось бы въ оную; — въ-третьихъ, чтобы по простотѣ пѣнія было оно въ мѣру понятій и чувствъ народа, и напоминало молящемуся, какая именно воспѣвается молитва; — и наконецъ въ-четвертыхъ, чтобы опредѣленнымъ пѣніемъ положить преграду всѣмъ произвольнымъ украшеніямъ, какія церковное пѣніе измѣняли, и которымъ погдашняго времени ереники, и особенно Аріанское стадо, старались обольщать Христіанъ, правиламъ церкви вѣрныхъ.

Съ водвореніемъ Христіанства сіи

8 гласовъ перешли къ намъ; но *Ангелоподобное пѣніе, изрядное осьмогласіе*, паипаче же *три-составное сладкогласованіе, и самое красное Демественное*, о которомъ говоритъ Степенная книга (*), до насъ не дошло.

Не ясно въ Лѣтописи сказано, что значитъ собственно *изрядное осьмогласіе*, восемь ли разныхъ мелодій, на какихъ молитвы воспѣваемы были, и которымъ, можетъ статься, подражалъ Св. Дамаскинъ, или пѣніе, восмью голосами производимое? — Но какъ тутъ же упоминается *о трисоставномъ сладкогласованіи*, то, понимая, что слово *гласованіе* изображаетъ *дѣйствіе пѣнія*, я предполагаю, что бывшее *демественное осьмигласное пѣніе* дѣйствительно на 8 голосовъ написано было, что по сей причинѣ оно удостоено названія *Ангелоподобнымъ*, и что сіе-то хорное пѣніе, до

(*) Степенная книга, ч. I, степ. 2-я, глава 2-я.

насъ не дошло, и не дошло, я полагаю, по тѣмъ же причинамъ, которыя заставили Св. Іоанна Дамаскина составить оное вновь. Впрочемъ, что осьмогласное пѣніе по всей вѣроятности на 8 голосовъ написано было, самый составъ гармоніи то доказываетъ. Извѣстно, что между первоначальнаго или основнаго тона, и равнаго ему въ восходящемъ продолженіи, что называютъ октавою, существуютъ семь тоновъ, изъ которыхъ каждый съ терціею и квинтою составляетъ совершенный аккордъ; слѣдовательно каждая гармонія содержитъ три тона и четвертую октаву. Въ 8-ми голосной же гармоніи или сіи четыре голоса удвоиваются, или, будучи удвоены, помѣщаются въ разныхъ одинъ отъ другаго измѣненіяхъ, и потому предположить можно, что пѣніе осьмогласнымъ названо было.

Авторъ статьи сей *въ Христіанскомъ чтеніи* весьма убѣдительно изъ

самихъ историческихъ событій выводитъ причины, по коимъ сіе осьмогласное Греческое пѣніе до насъ не достигло.

Когда, говоритъ онъ, выходили въ Россію изъ Греціи пѣвцы, (*) и обучали сему искусству, каковъ между другими былъ Мануилъ скопецъ, поставленный Епископомъ въ Смоленскъ, тогда, полагаютъ, вошли въ употребленіе собственно Россійскіе напѣвы, каковы, напримѣръ, Кіевскій, Черниговскій, Новгородскій, и другіе; а прежніе напѣвы, какъ-то: Сполповой, Болгарскій и Греческій, будучи приноровляемы къ Славянскому языку, не измѣнишься не могли, сколько по различію Славянскихъ рѣченій отъ Греческихъ, столько и потому, что осьмогласное Греческое пѣніе не могло иначе быть намъ передано, какъ на нотахъ; ноты же у Грековъ, какъ

(*) Христіанское чтеніе, часть 43-я, стр. 167-я.

извѣстно, изображались буквами, слѣдовательно само собою вышло, что по крайнему затрудненію въ изученіи оныхъ ввелось пѣніе на гласы *сокращенное*, или *по пальцамъ*, и потому первобытное Греческое пѣніе уцѣлѣть не могло. Къ тому тяжкое иго Татарское, подъ коимъ столько времени стонала Россія, стѣснивъ силы духа народнаго, обративъ всѣ его изящныя способности въ единое безмолвное повиновеніе насильственной власти, и по вѣрѣ, и по отечеству чуждой, не могло не подѣйствовать и на церковное наше пѣніе. По совершенному испроверженію образованія, изученіе Греческихъ азбучныхъ нотъ содѣлалось труднѣе прежняго, и хотя для изображенія напѣвовъ придуманы были такъ называемые извѣстные *крюки*, донынѣ у раскольниковъ употребляемые; но сія новая музыкальная грамота еще болѣе запутала обиходы, и еще болѣе иска-

зила обезображенное уже и безъ того наше священное пѣніе (*).

Относительно происхожденія крюковъ сихъ, нѣкоторые думаютъ, что, по завоеваніи Греціи Турками, Греки мало по-малу оставили и забыли древнія свои азбучныя ноты, и переняли у Турокъ Арабскія, состоящія изъ Арабскихъ буквъ; (**) но сколько я ни навѣдывался, меня единогласно увѣряли, что крюки сіи не суть ни Арабскія, ни Турецкія, ни Персидскія буквы.

Такимъ образомъ само собою разрѣшается, почему одичалое Греческое пѣніе и по сверженіи Татарской власти не только къ усовершенствованію ныни не могло; но и въ самомъ возстановленіи онаго, по недостатку способовъ и знаній, въ толь мрачное время искорененныхъ, непрестанныя встрѣчались затрудненія; а между

(*) Христіанск. чтеніе, част. 43 стр. 170 и 171.
(**) Истор. разсужденіе о пѣніи, стр. 15.

пѣмъ Западная церковная музыка, постепенно обогащаемая гармоніею, или удаляла наше простое пѣніе, или вшіевашымъ произвольнымъ подражаніемъ замѣщала оное.

Самый Патріархъ Никонъ, которому обязаны мы возстановленіемъ церковнаго пѣнія, былъ, какъ мнѣ кажется, невольною причиною утраты первобытнаго его достоинства. Не говоря уже о томъ, что съ самыхъ древнихъ временъ пѣніе сіе подвержено было произвольнымъ измѣненіямъ, и, по переводѣ Греческихъ буквальныхъ нотъ на крюки, приняло другой видъ, самая страсть Патріарха къ музыкѣ, отличный хоръ, при немъ бывшій, Кіевскій напѣвъ, который онъ любилъ, и въ который, по близкому разстоянію отъ Польши, вѣроятно вкрался превосходный штиль церковной музыки, знаменитымъ Палестрина въ концѣ 16-го столѣтія въ Западную Церковь введенный, Царь Ѳеодоръ Але-

ксѣевичъ, вступившій на престолъ еще при жизни Никона, (*) при которомъ, по возвращеніи имъ Малороссіи изъ владѣнія Польскаго, Греческое Демественное пѣніе было оставлено, и вмѣсто крюковъ, затрудняющихъ нотное чтеніе, введены были линѣйныя ноты, — всѣ сіи событія доказываютъ, что уже во время Никона Греческое пѣніе пало, и такъ, что Царь Алексѣй Михайловичъ, въ глубокихъ видахъ царствованія своего, повелѣлъ преемнику Патріарха Никона, Іоасафу исправить церковное пѣніе и сдѣлать оное вездѣ единообразнымъ, въ слѣдствіе чего составлена была подробная Грамматика нотнаго пѣнія, (**) но между тѣмъ Европейское просвѣщеніе, водворявшееся съ необычайною быстротою въ богатый край Россійскій, непрестанное стече-

(*) Христ. чтеніе, часть 43 стр. 176.

(**) Историческія разсужденія, читанныя въ Александро-Невской Академіи; 1823 года; стр. 237.

піе иностранныхъ отвсюду, слѣпое, такъ сказать, принятіе ихъ промышленности и роскоши въ разныхъ видахъ, настойчивость во введеніи ихъ обычаевъ и заманчивыхъ затѣй, наружную жизнь украшающихъ, непоколебимая наша наклонность къ подражанію и страстное прилѣпленіе ко всему иностранному,—всѣ сіи обстоятельства обезсилили мѣры, Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъпринятыя.

Начиная съ царствованія Государыни Елисаветы Петровны, Европейскій Западный штиль музыки болѣе и болѣе къ намъ водворялся, возрасталъ въ достоинствѣ хоръ Придворныхъ пѣвчихъ, и чудеснымъ согласіемъ своимъ прельщалъ и слухъ и сердце. Явились извѣстные регенты—Рачинскій, Березовскій и другіе, и наконецъ въ царствованіе Государыни Екатерины иностранные капельмейстеры — Галуппи, Керцелли, Сарти, сопровожденные, такъ сказать, несра-

внешнымъ богатымъ хоромъ, ввели въ Церковь нашу не *молитвенное*, но уже *концертное* пѣніе, которому всѣ подражать старались. Наконецъ въ послѣдствіи времени знаменитый Борпиянскій, вдохновенный блистательнымъ геніемъ своимъ, почувствуя во всей силѣ высокую простоту священнаго пѣнія, великолѣпіе Придворнаго хора, и укоренившееся уже владычество Западной музыки, волшебно соединилъ новыя формы гармоніи съ важностью и силою воспѣваемыхъ молитвъ нашихъ, и остался одинъ, котораго сочиненія поютъ во время богослуженія шамъ, гдѣ есть пѣвчіе; простое старинное на одинъ голосъ пѣніе, существующее въ нашихъ Обиходахъ, осталось въ употребленіи частныхъ церквей; *Демественное же*, переписью на крюки обезображенное, донынѣ употребляютъ раскольники, которые никакого измѣненія въ ономъ не допускаютъ.

Изъ всѣхъ сихъ обстоятельствъ открывается однако утѣшительная истина, что, не смотря на различныя перемѣны, какимъ наша церковная пѣвческая музыка подвергалась, остатокъ древняго Греческаго напѣва сохранился въ нашихъ Обиходахъ, и по уваженію всеобщаго употребленія составился предметомъ вниманія нашихъ Государей. Блаженной памяти Государь Павелъ 1-й, усмотрѣвъ, что въ нѣкоторыхъ церквахъ вмѣсто концерта пѣли стихи, сочиненные по произволенію, повелѣлъ никакихъ выдуманныхъ стиховъ въ церковномъ пѣніи не употреблять, и вмѣсто концертовъ пѣть или приличный псаломъ, или обыкновенный канонникъ. (*) Государь Александръ I-й, примѣтивъ неограниченную свободу Италіянскаго пѣнія, водворившагося въ нашу Церковь, что заводились

(*) Высоч. Указъ 1797 года Маія 18 дня (19,960).

вездѣ хоры, пѣли сочиненія Бортнянскаго, и при всемъ ихъ стараніи подражать Придворному хору, пѣли дурно, и что старинное наше священное пѣніе оставалось, такъ сказать, безъ призрѣнія, и въ лучшее положеніе не приводилось, подалъ примѣръ разительный, и, отмѣнивъ концерты въ Придворной церкви, повелѣлъ употреблять единственно простое древнее пѣніе. Достойный преемникъ Престола, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ Николай Павловичъ, слѣдуя благотворнымъ видамъ своего высокаго предшественника, указать соизволилъ, древнее священное пѣніе, въ Обиходахъ изданное, переложить по правиламъ гармоніи на 4 голоса, не допуская ни малѣйшаго измѣненія въ коренной мысли, и съ одобренія Святѣйшаго Синода и Высочайшей воли издавать оное въ свѣтъ, что и исполняется.

Такимъ образомъ въ нашей Церкви существуютъ два различные рода пѣнія: одно въ недавнемъ времени изобрѣтенное и водворенное къ намъ иностранцами, другое, сопроводившее въ Россію Христіанскую Вѣру и возникшее въ древнія времена на Востокѣ.

За симъ представляется вопросъ: въ чемъ состоитъ прямое различіе между Греческимъ священнымъ пѣніемъ и нынѣшнимъ Италіянскимъ? Италіянское, скажутъ мнѣ, украшенное богатою гармоніею голосовъ съ инструментами, искуснымъ великолѣпіемъ поражаетъ. — Но древнее Греческое, *Демественное, осьмигласное и присоставное* не произвело бы тѣхъ отзывовъ въ нашихъ Лѣтописяхъ на счетъ красоты онаго, не было бы названо *Ангело-подобнымъ*, буде бы оно разнительнымъ согласіемъ своимъ не увлекало, не смягчало сердца, и, что всего важнѣе, не располагало бы духа къ молитвѣ. — Италіянское пѣ-

ніе, скажутъ, расположеніемъ музыкальныхъ звуковъ приводитъ чувствующаго человѣка въ сладкое забвеніе самаго себя.—Но Греческое, простымъ называемое, напротивъ того, человѣка вводитъ въ себя и располагаетъ его къ молитвѣ; а поелику любовь, чистая откровенность, пламенное усердіе, глубокая тишина и простота сердечная суть единые проводники къ оной, то пѣніе сіе возвышенною простотою своею ведетъ къ такому расположенію, и настраиваетъ силы духа, въ человѣкѣ посѣянныя.

Когда молитва проникнетъ въ сердце, тогда человѣкъ умираетъ міру, и, будучи внѣ міра, живетъ любовью. Если по несчастію такое чудесное состояніе не можетъ быть постоянно въ человѣкѣ, потому что онъ на землѣ, то какъ не подорожитъ такими способами, которые его въ такое состояніе вводятъ хотя на одно мгновеніе?

Я знаю, что не всегда по чувствованію можно убѣдиться въ истинѣ; но увѣренъ опять и въ томъ, что никакое чувствованіе безъ какого либо впечатлѣнія не возникаетъ. Будучи подверженъ дѣйствіямъ музыки, находя въ ней величайшее наслажденіе, удивляясь часто изобрѣтаемымъ красотамъ сего искусства, я признаться долженъ, что никакая ученая сложность голосовъ съ инструментами не напомнитъ мнѣ, зачѣмъ я стою въ храмѣ Божіемъ, сколько напоминаютъ многія священныя пѣсни нашего древняго простаго напѣва, согласно и правильно исполненныя. И въ томъ ли дѣло, чтобы музыка по хитрому своему сложенію обращала на себя мое вниманіе, и безъ того всегда разсѣянное? Или въ томъ, чтобы вырвать меня, такъ сказать, изъ рукъ суеты и ложныхъ прелестей, возбудить во мнѣ преданность и раскаяніе, и въ любви съ сокру-

шеннымъ сердцемъ поставить меня предъ Создателя? Сверхъ того, искусство музыки одни искусники уразумѣть могутъ; какъ же уразумѣетъ простой незнающій человѣкъ молитву, покрытую сложною гармоніею, которая, развлекая и удивляя его едиными непоняшными для него звуками, не согрѣетъ ему сердца, не откроетъ въ немъ источника сокрушенія, и не доведетъ его до примиренія съ самимъ собою, безъ котораго тяжелая и суетная жизнь едва ли стоитъ своего имени! — Нравственность должна быть основаніемъ каждой мысли, каждаго дѣла въ жизни; нравственность должна быть и въ музыкѣ, а паче въ музыкѣ священной.

Коснувшись церковнаго пѣнія въ семъ отношеніи, я долженъ коснуться опаго и въ отношеніи искуственномъ. Искусство не можетъ быть душею выраженія. Оно можетъ му-

зыкальную мысль украсить, такъ какъ правильное образованіе можетъ украсить умъ; но какъ выисканныя или, лучше сказать, изобрѣтенныя слова затмѣваютъ часто смыслъ рѣчи, и, вмѣсто того, чтобы выразить мысль и передать ее другому, обращаютъ оную въ какой-то пустой звукъ, такъ точно и музыка, или пѣніе, загроможденныя умствованіемъ сочинителя, не скажутъ сердцу ничего!

Никакая мысль, никакое чувство не выражается кудряво. Всякая чистая мысль проста, и потому убѣдительна. Сложность и необыкновенные обороты акордовъ, по расчету и правиламъ пріисканные, понятны не многимъ, и, если смѣю сказать, понятны только тѣмъ, которые заражены сею ученою хитростью.

Пѣвецъ, сколько я замѣтить могъ, по выслушаніи пѣнія или инструментальной музыки, услышишь разныя

сужденія, разборъ, критику; но почему не слышу я слова сердечнаго, пылкаго, крашкаго, нечаяннаго, вырваннаго, такъ сказать, восклицанія? Не потому ли, что въ нынѣшней музыкѣ вообще болѣе искусства, нежели природнаго вдохновенія? Кто одаренъ чистымъ слухомъ и чувствомъ музыкальнымъ, тотъ безъ всякой учености вдохновенную мысль поймешъ и почувствуетъ, у того иногда восхищеніе духа вырветъ слово пылкое, невольное восклицаніе; но послѣдствія одного искусства что другое произвести могутъ, какъ не сужденія, не разборы людей, по единому искусству музыку знающихъ? Искусство можетъ произвести удивленіе, — это правда; но удивленіе къ сердечнымъ чувствованіямъ не принадлежитъ. Удивленіе производитъ и фокусникъ, и ѣздокъ, и скороходъ по веревкѣ.

Забыть не могу, что, говоря од-

нажды съ знаменитою пѣвицею *Катлани*, и изъявивъ ей мое удивленіе, что она, съ ея необычайнымъ дарованіемъ и превосходнымъ голосомъ, занимается подражаніемъ скрипкѣ, и поётъ варіяціи извѣстнаго тогда виртуоза Родде, получилъ слѣдующій отвѣтъ: «если бъ, сказала она мнѣ со вздо-«хомъ, не украшала я пѣнія своего разны-«ми диковинами, пдержалась бы истин-«наго вкуса, тогда не имѣла бы и тре-«тн того капитала, который нынѣ со-«ставляетъ знаменитое мое богат-«ство.» Вотъ, слѣдовательно, вся цѣль искусства; но можетъ ли такая цѣль быть цѣлію музыки? Нынѣ искусство, какъ мнѣ кажется, замѣняетъ генія, и вдохновенію не вѣрятъ; наука музыки умножилась, умножились и сочиненія; положили и утвердили, что геній не иначе родится, какъ въ школѣ; но могутъ ли въ одно почти время и въ одной отрасли изящности возникнуть многіе геніи вдругъ? И

потому, что умножилось именно? — Быстрота въ механикѣ, барабаны, литавры, трубы! — Являются отличные виртуозы на разныхъ инструментахъ, но кто же? — Или дѣти, удивляющія своимъ чудеснымъ проворствомъ, потомучто способность подражанія есть единственная способность ихъ нѣжныхъ лѣтъ; или искусники, поражающіе чудесами механизма.

Такимъ образомъ, когда расположеніе мелодіи, составленное по расчету, по соображенію, замѣщаетъ пышѣ идею вдохновенную, невольную, и можетъ, не вводя въ чувство, занимать слухъ, и быть предметомъ забавы въ обществахъ, въ концертахъ; признаюсь, я не вижу истинной цѣли, истинной пользы, по которой таковая живописная маска музыки должна быть допущена въ священные храмы.

Извѣстно, что изящныя художества никакой старательной и излишней выработки не терпятъ.

Часто геній, вырываясь въ восторгъ изъ правилъ, его пугающихъ, чудесною силою поражаетъ!

Бывшій здѣсь Профессоръ Математики, Эйлеръ, слушая оперу извѣстнаго Капельмейстера Паизіелло, нашелъ нѣкоторыя погрѣшности противъ правилъ гармоніи; но когда Паизіелло, послушавшись Эйлера, расчетъ математическій соблюлъ, тогда самъ Эйлеръ удивился, что весь блескъ, все очарованіе гармоніи изчезли, и потому Паизіелло принужденъ былъ обратиться къ тому, что вдохновеніе ему приказало.

Если бъ живописецъ, изображая какой либо предметъ, его занимающій, вздумалъ вырабатывать каждый волосъ; непостижимая жизнь въ картинѣ неминуемо бы изчезла, потому естественно, что не мелкая выработка передаетъ жизнь изображенію, а общій объемъ красоты, имъ подражаемый. Болѣе скажу: художникъ, по-

гнавшись за мелочами, развлечется, оспынетъ духомъ и истребитъ въ себѣ тотъ вдохновенный огонь, съ утратою котораго изчезнетъ и смѣлость кисти, соглашающей краски съ тѣнями и свѣтомъ, и оживляющей картину.

Равнымъ образомъ и музыка, безъ вдохновенія устроенная, и расположенная по правиламъ гармоніи во всей точности, будетъ твореніемъ отличнымъ; но, къ удивленію, будетъ твореніемъ безъ души, безъ теплоты сердечной. Кто не знаетъ, что чистро настроенныя квинты въ фортепіано разстроиваютъ оный, и что въ изящныхъ произведеніяхъ тѣ только красоты и поражаютъ, въ которыхъ искусство не примѣтно или, лучше сказать, гдѣ человѣкъ менѣе всего употребилъ своего собственнаго? — Если бъ Цицеронъ на площади Римской говорилъ одними отборными

словами, какъ бы онъ убѣдилъ народъ своею ученою рѣчью?

Чтобы по возможности моей еще болѣе удостовѣрить, что не витіеватая, не шумная музыка составляетъ истинное достоинство священнаго пѣнія, я долженъ обратиться къ благотворной волѣ нынѣ царствующаго Государя Императора о переложеніи, какъ выше сказано, простаго нашего церковнаго пѣнія на 4 голоса, и представить нѣкоторые опыты по сему предмету.

Будучи въ званіи Директора Придворной пѣвческой капеллы, и слѣдовательно, будучи обязанъ испытать нѣкоторыя изъ переложенныхъ священныхъ пѣсней, торжественно признаюсь, что не могъ я наслушаться сихъ древнихъ, но для меня новыхъ въ образованномъ видѣ, мелодій, и вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ надивиться силѣ и кротости, красотѣ и благоговѣнію, огненнымъ выраже-

піямъ и тишинѣ, великолѣпію и смиренію, какими онѣ меня поразили. Сихъ противуположныхъ чувствъ естественно умѣстить въ сердцѣ я не могъ, и не могъ не сообщить ихъ; сообщалъ ихъ всѣмъ безъ разбора, и хотя, какъ человѣкъ пораженный, сообщалъ ихъ, можетъ быть, часто и не у мѣста, и безъ приличія; но нашелъ многихъ, а особливо людей нравственныхъ, почувствовавшихъ всю цѣну во всѣхъ оттенкіяхъ сего церковнаго нашего пѣнія.

Однажды Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, котораго домашнюю церковь благоволила посѣтить блаженныя памяти Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, сообщилъ мнѣ, чтобы во время обѣдни небольшой хоръ придворныхъ пѣвчихъ спѣли старинную Херувимскую пѣснь. Благочестивая Государыня, озабоченная непрестаннымъ попеченіемъ о многихъ тысячахъ сиротъ и

другихъ дѣтей, которыхъ она призрѣла и ввела въ высокую радость своего благодѣтельнаго сердца, такъ почувствовала сіе пѣніе, что не могла не сообщить о томъ Августѣйшему Сыну Своему, нынѣ царствующему Государю Императору, по Высочайшей волѣ котораго въ первый Воскресный день пѣснь сію пѣли во время службы въ присутствіи Его Императорскаго Величества.

По всѣмъ симъ доводамъ кажется заключить можно рѣшительно, что совокупное дѣйствіе священной музыки съ свѣтскою при богослуженіи быть не должно, потому что свѣтская застилаетъ достоинство, назначеніе и цѣль первой; что мелодіи священныя должны быть непремѣнно кратки и опредѣлены постоянно, дабы онѣ укоренились въ памяти, и ни новостью, ни разнообразностью не развлекали вниманія; — должны быть просты и оживлены огнемъ

сердечнымъ, дабы разогрѣвали сердца и возносили духъ!

Слава и вѣчный памятникъ Великимъ Государямъ нашимъ, что древній источникъ, временемъ заросшій, отъ Израильтянъ Греками заимствованный, и къ намъ съ Христіанскою Вѣрою перешедшій, у насъ не изсохъ, и, доколѣ солнце свѣтитъ, будетъ блистать подъ Ихъ благотворнымъ покровительствомъ, и волшебною силою особой красоты своей питать и цѣлить сердца наши, мірскими страстьми и суетностью разслабленныя!

О ПРОСТОНАРОДНЫХЪ РУССКИХЪ ПѢСНЯХЪ.

Что такое народная музыка? Нельзя назвать народною музыкою ту, которую производятъ исключительно люди поющіе, или на инструмен-

тахъ играющіе, составившіе изъ сего ремесло, и имъ живущіе. Нельзя опять назвать народною музыкою ту, которая перенимается у другихъ, и въ народѣ не поётся.

Пѣніе вообще есть даръ небесный, данный для выраженія сердечнаго избытка въ горестномъ, или веселомъ, или покойномъ состояніи человѣка; слѣдовательно народною музыкою можно, кажется, назвать только ту, которая поётся умѣющимъ пѣть, и неумѣющимъ, при всякихъ обстоятельствахъ жизни, важныхъ и неважныхъ; которая изливается по мѣрѣ чувства сердечнаго безъ малѣйшаго подражанія какимъ либо чужимъ напѣвамъ, ибо никакое сильное чувство выраженія не занимаетъ.

Нѣтъ, кажется, никакого сомнѣнія, что Россіяне одарены музыкальнымъ чувствомъ; и я думаю такъ не по одному усладительному пристрастію ко всему отечественному, но по край-

кимъ мелодіямъ, въ народѣ разсыпаннымъ и, по особой природной красотѣ своей, доказывающимъ, что онѣ вылились изъ сердца; по мелодіямъ, въ которыхъ не видно ни чужаго наряда, ни искусства, ни придуманнаго подражанія; по особымъ напѣвамъ, которыми выражаются пѣсни; по хорному пѣнію, въ которомъ разные голоса помѣщаются по указанію одной природы потому, вѣроятно, что геній старѣе всякой школы, по общему пѣнію въ народѣ, и наконецъ по горячей привязанности Русскихъ къ своимъ пѣснямъ.

Съ распространеніемъ просвѣщенія въ Россіи, пѣсни наши обратили на себя вниманіе Литтераторовъ. Въ царствованіе Государыни Екатерины извѣстный въ Словесности Г. Новиковъ, въ Москвѣ, собралъ значительное количество пѣсенъ, которыхъ по рѣдкости отыскать я не могъ.

Въ 1790 году, членъ нашей Акаде-

міи Художествъ, покойный Тайный Совѣтникъ Николай Александровичъ Львовъ, при помощи охотниковъ и родственниковъ, въ его домѣ безпрестанно пѣвшихъ, въ числѣ которыхъ имѣлъ честь быть и я, сдѣлалъ новое собраніе пѣсенъ, которыя съ нашихъ голосовъ положилъ на ноты Г. Прачъ; предисловіе при семъ изданіи написано было Г. Львовымъ.(*) Въ 1815 году, тотъ же Г. Прачъ вновь издалъ пѣсни, и повторилъ то же предисловіе съ нѣкоторыми измѣненіями(**); и наконецъ въ 1855 году вышло въ свѣтъ новое Собраніе народныхъ пѣсенъ, положенныхъ на ноты Г. Кашинымъ.

(*) Собр. Русскихъ народныхъ пѣсенъ съ ихъ голосами, положенныхъ на музыку Иваномъ Прачемъ. С. Петербургъ; въ типографіи Горнаго Училищ. 1790 года.

(**) Отечеств. записки; часть 8; 1821 года; стр. 145.

Предисловіе, при двухъ начальныхъ изданіяхъ напечатанное, имѣетъ то достоинство, что просвѣщенный человѣкъ, природный Русскій, за 40 лѣтъ слишкомъ предъ симъ написавшій оное, первый обратилъ вниманіе на изслѣдованіе дѣйствительнаго происхожденія нашихъ народныхъ пѣсенъ, и, судя по образу ихъ сложенія, по употребленію ихъ въ нѣкоторыхъ народныхъ играхъ, по сходству, какое онъ нашелъ въ нихъ съ извѣстнымъ Гимномъ *Немезиду* и Одою *Пиндара*, отысканными, переведенными и изданными Киршеромъ и Бюрепомъ, онъ заключилъ, что пѣсни наши вышли изъ Греціи. Не отъемля никакъ достоинства автора помянутаго предисловія, автора, который первый, можно сказать, открылъ достоинство нашего народнаго пѣнія, я буду имѣть честь объяснить, что по новѣйшимъ истори-

ческимъ изслѣдованіямъ, пѣсни наши принадлежатъ Славянамъ.

Что пѣсни народныя сопровождаютъ у насъ важнѣйшія обстоятельства жизни, какъ я сказалъ выше, доказываютъ то разные напѣвы пѣсенъ протяжныхъ, плясовыхъ, святочныхъ, свадебныхъ и хороводныхъ. Что онѣ отличаются напѣвами по состояніямъ, доказываютъ то пѣсни солдатскія, ямскія, бурлацкія, Цыганскія, и проч. Что пѣсни наши не заемныя, не пріемыши, доказываетъ то собственное ихъ сложеніе, оригинальность, Поэзія, съ ними нераздѣльная, и наконецъ историческія открытія.

Сверхъ сего, причины убѣждающія въ національности нашихъ пѣсенъ, суть, по мнѣнію моему, слѣдующія:

Свойства вдохновенной музыкальной мысли суть: новость, красота, краткость, сила, иногда выраженіе Поэзіи, иногда побужденіе къ оной

иногда веселость, иногда грусть.

Большая часть пѣсенъ нашихъ имѣютъ сіи свойства. Англинскій сочинитель Исторіи музыки Спаффордъ говоритъ, что наши пѣсенныя мелодіи весма единообразны, кратки, унылы и безпрестанно повторяются.(*)

При нѣсколько строгомъ разборѣ ихъ едва ли можно сказать, чтобъ мелодіи наши были единообразны. Почтенный Авторъ предисловія въ изданіи 1790 года весьма основательно говоритъ, «что между многихъ «тысячъ пѣсенъ нѣтъ двухъ между «собою очень похожихъ, хотя для про«стаго слуха многія изъ нихъ на «одинъ голосъ кажутся.»

Относительно краткости мелодій слѣдовало бы прежде разрѣшить, могутъ ли онѣ по самому вдохновенію быть продолжительными? Всякое вдохновеніе дѣйствуетъ подобно мол-

(*) Исторія музыки Г. Спаффорда, переводъ съ Англ. 1832 года; стр. 255.

нiи. — Вдохновенная мелодiя, очаровывая и сердце и память. обращаетъ ихъ какъ будто въ невольниковъ, и привязываетъ къ побѣдительной своей колесницѣ. Выдумать мелодiи, я полагаю, нельзя, точно такъ, какъ нельзя выдумать мысли, или стиха. Онѣ являются сами, когда имъ угодно, иногда нечаянно, иногда въ кругу разсѣянiя, иногда при разительномъ какомъ либо случаѣ; — и тогда вскипитъ такая мыслъ ключемъ въ сердцѣ, потечетъ быстро, и никакого сопротивленiя не знаетъ. Таковая мелодiя продолжительна быть не можетъ, потому что всякое сильное выраженiе, всякое сильное чувство кратко. И если красота ея отзывается въ сердцахъ, то сiе такъ же естественно, такъ же необходимо, какъ гулъ, разражающiйся за ударами молнiи въ горахъ облачныхъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что вдохновенную мелодiю украсить можно искусною и правильною гармо-

ніею; но гармонія безъ разительной мелодіи есть то же, что богатое сіяющее платье, развѣшенное на деревянной стойкѣ. Можетъ быть я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что если музыка нынѣшняго времени, шумными барабанами, литаврами, свистульками, колокольчиками, тазами и другими затѣями вооруженная, въ ломаныхъ своихъ не всѣмъ и не вдругъ понятна, то сіе происходитъ отъ недостатка вдохновенныхъ коренныхъ идей, которыя, какъ красавица и въ простомъ уборѣ, не могутъ не подѣйствовать на чувствующее сердце. Впрочемъ, когда бы наши пѣсни не имѣли силы вдохновенія и были бы пришлецами другихъ странъ, могли ль бы онѣ такъ близко сродниться съ Русскимъ сердцемъ, быть неразлучными подругами и въ горѣ, и въ пылкой любви, и въ обычаяхъ, и въ радости?—Поётъ нашъ народъ, идучи и на бой, и съ бою, и на работу, и съ рабо-

ны, и въ ясный день, и въ ненастный; онъ пѣснею облегчаетъ трудъ, словомъ въ пѣніи вся его отрада и вся его радость.

Большая часть пѣсенъ нашихъ унылы,—такъ точно; но симъ самымъ не доказывается еще какая либо особая черта нашего національнаго положенія, какъ думаютъ многіе иноземцы, но скорѣе глубокая чувствительность, безъ которой музыка не жила бы въ народѣ, не находя питательнаго своего источника въ сердцѣ. Безспорно, что мелодія или унылый тонъ есть не что иное, какъ отступленіе цѣлымъ полутономъ отъ правильнаго чистаго акорда; но по непостижимой причинѣ музыкальная унылость привлекаетъ сердце! Большая часть знаменитыхъ писателей минорными мелодіями украшали свои сочиненія. Возмите отца инструментальной музыки *Корелли*, возмите *Перголези Дуранте*, *Лео*, *Генделя*, вы увидите, что сочиненія ихъ наполняются симъ

тономъ.... Кто знаетъ? можетъ быть, естественное положеніе человѣка на землѣ, неувѣренность ни въ одномъ мгновеніи жизни, быстрота перехода отъ благополучія къ нищетѣ и горести,.. и проч., и проч.. тому причиною!.... Другая причина, убѣждающая, что мелодіи наши суть послѣдствіе вдохновенія, а не одни пустые и набранные тоны, ничего не изображающіе, и могущіе быть переняты по наслышкѣ, состоитъ въ томъ, что всѣ онѣ безъ изъятія выражаютъ или какое либо произшествіе, или чувство сердечное, нравственное или страстное, частными случаями представляемыя, и что природная Поэзія съ нашими мелодіями неразлучна; а какъ и Поэзія и пѣніе истекаютъ изъ горячаго сердца, то онѣ, вдыхая, такъ сказать, жизнь другъ другу, укоренили ихъ существованіе въ народѣ, и въ старинныхъ протяжныхъ пѣсняхъ разсыпанными черта-

ми ясно изображаютъ національный нашъ характеръ.

Я приведу нѣкоторые тому примѣры.

Пѣсня въ Собраніи Кашина № 27-й есть хорная, весьма важнаго и высокаго штиля, простотою къ священному пѣнію подходящая, гдѣ въ мрачной картинѣ примѣтенъ свѣтъ Философіи.

Поэтъ разказываетъ товарищамъ своимъ, что въ томъ темномъ лѣсу, гдѣ и орелъ не пролетывалъ, лежитъ нынѣ дорога, и на ней убитый добрый молодецъ. Описывая его раны, онъ говоритъ, что постель убитаго былъ камышъ — трава, изголовье — частый ракитовой кустъ, одѣяло — ночь темная, холодная, осенняя; и тутъ Поэтъ видитъ, что прилетали къ убитому три пташки, изъ которыхъ одна сѣла ему на голову, другая на грудь, а третья на ноги; первая была мать его, вторая се-

стра, а третья молодая жена. Плакала мать, какъ рѣка льется; сестра плакала, какъ ручьи текутъ; молода жена плакала, какъ роса падетъ; — и въ заключеніе Поэтъ восклицаетъ: взойдетъ солнце, росу высушитъ!

Можно ль было помѣстить столько философическихъ истинъ въ такія тѣсныя рамки, и сильнѣе изобразить тишину и уединеніе въ темномъ лѣсу, какъ не тѣмъ, что и орелъ, птица хищная въ немъ не пролетывалъ? Потомъ, чтобы не описывать уничижительнаго положенія мертваго тѣла, оставленнаго, брошеннаго преступными людьми безъ призрѣнія, Поэтъ украшаетъ картину чертами геніальными: онъ вызываетъ самую природу вознаградить то, что злодѣйство отъ природы похитило тайно; осенней, темной, холодной ночи онъ приказываетъ покрыть несчастнаго; въ изголовье даетъ ему

случившійся тутъ кустъ, а вмѣсто постели—камышъ, и такимъ образомъ бездушныхъ заставляетъ отдать послѣдній долгъ человѣку, насильственною смертію пораженному. Потомъ, чтобъ изобразить постепенное страданіе близкихъ и искреннихъ людей убіеннаго, и быстрое ихъ стремленіе къ сердечной утрашѣ, Поэтъ посылаетъ къ тѣлу мать его, сестру и молодую жену въ видѣ крылатыхъ, и въ самыхъ слезахъ ихъ отличаетъ мѣру страданія: горесть матери уподобляетъ рѣкѣ тихой, глубокой и страшной; печаль сестры — шумнымъ мелкимъ ручьямъ, но неопаснымъ; грусть молодой жены — росѣ непродолжительной, и назначаетъ ей время до восхода солнца, которое выводитъ въ видѣ будущаго жениха ея!

Чего не достаетъ въ сей картинѣ? а мелодія пѣсни хотя и непродолжительна, но продолжительною и быть

не могла, поелику изображаетъ одно чувствіе, одну и ту же картину.

Пѣсня № 15-й того же Собранія изображаетъ молодаго человѣка, пришедшаго къ прежней своей любовницѣ прощенья, и съ тѣмъ, чтобы она дозволила ему войти въ брачную связь съ другою, увѣряя, что онъ будетъ ее любить больше прежняго. Оскорбленная любовница вымолвила ему въ слезахъ: *не свѣтить солнцу противъ лѣтняго!* и женишься ему дозволила.

Въ стихахъ сей древней пѣсни видны вставки, и какъ будто приказныя, подъяческія; но въ общемъ видѣ оной нельзя не замѣтить кротости, терпѣнія и великодушія, какими украшено страстное лице въ сей картинѣ — качествъ, которыя, вѣроятно, составляли всю славу и достоинство прекраснаго пола того времени. Мелодія сей пѣсни сердечною и плавною унылостью своею привле-

кательна, и произшествіе изображаетъ вѣрно потому, что ничего порывистаго, гнѣвливаго въ ней нѣтъ.

Въ пѣсни № 1-й Поэтъ уподобляетъ грусть свою туману, падшему на море, и какъ будто пророчески возглашаетъ, что этотъ туманъ не сойдетъ, и грусть изъ сердца не выйдетъ. Потомъ разсказываетъ, что не звѣзда блеститъ въ полѣ, а огонёкъ горитъ; и тутъ, чтобы собрать вниманіе къ одному предмету, и уклонить его отъ разсѣянія, онъ представляетъ возлѣ огня, въ ночное время, лежащаго на коврѣ добраго молодца, который, прижавъ платкомъ рану смертную, унимаетъ текущую кровь. Конь, возлѣ молодца стоящій, и біющій копытомъ по сырой землѣ, будто хочетъ ему сказать, что онъ отвезетъ его на родину. Тяжко вздохнулъ добрый молодецъ! — Его крѣпка грудь подымается, руки бѣлыя опускаются, рана смертная растворяет-

ся, кровь горячая полилась ручьемъ! Тутъ промолвилъ онъ своему коню: охъ ты, конь мой, товарищъ моей участи, добрый пайщикъ службы Княжеской! ты ступай одинъ въ нашу сторону, ты отдай поклонъ отцу — матери, милымъ дѣтямъ, роду—племени, ты скажи моей молодой вдовѣ, что женился я на другой женѣ, что за ней я взялъ поле чистое, насъ сосватала сабля острая, положила спать калена стрѣла.

Я нарочно выписалъ всю пѣсню потому, что она, сохранясь въ цѣлости, весьма значительна во многихъ отношеніяхъ, и изображаетъ духъ своего времени.

Какая глубокая Философія! Какое вѣрное наблюденіе сердца человѣческаго, и какое высокое достоинство описательной Поэзіи!

Уподобленіе грусти туману превосходно! Туманъ застилаетъ свѣтъ! Уподобленіе сердца морю еще богаче:

сердце· бездонный источникъ безчисленныхъ чувствованій! Разговоръ умирающаго съ конемъ своимъ не выходитъ изъ предѣловъ натуры потому, что въ сильномъ чувствѣ человѣкъ говоритъ съ камнемъ.

Въ приготовленіи ослабѣвшаго въ силахъ человѣка выговоритъ нѣсколько словъ, вынужденныхъ горячимъ и, можетъ быть, послѣднимъ чувствомъ, живая картина природы! Въ поклонѣ родителямъ, милымъ дѣтямъ и роду племени, а потомъ уже въ искреннемъ извѣщеніи о причинахъ· смерти его молодой вдовѣ, какъ человѣку, къ сердцу его ближайшему, открываетися соблюденіе нравственныхъ отношеній.

Никакого сожалѣнія о прекращеніи жизни и о разлукѣ съ сердечными своими! Не изображаетися ли тутъ твердый духъ при самой смерти? Умертвившія его сабля и стрѣла показываютъ какъ будто время, гдѣ огнестрѣльное оружіе не употреблялось.

Я опасаюсь, что дальнѣйшій разборъ народныхъ нашихъ пѣсенъ покажется обременительнымъ; но какъ онѣ суть живыя преданія прежнихъ временъ, объясняющія не только древнюю Поэзію, но и погдашніе нравы; то я осмѣливаюсь указать еще на нѣкоторыя, въ коихъ видна мѣра чувствительности и стойкости характера, напримѣръ: въ Собраніи пѣсенъ Г-на Прача, 1790 года, пѣсня No 27. Оскорбленная любовница проситъ своего невѣрнаго взять съ нея тоску тяжелую, заплесть ее коню его въ гриву, и размыкать ее по полю. — Казалось бы, что все дѣло въ томъ, чтобы только отъ тоски освободиться! Это естественно, обыкновенно; но послѣдствіе доказываетъ, что сердце дѣвушки было исполнено чувства необычайнаго. Она поручаетъ разсѣять, размыкать тоску ея по полю; кому же поручаетъ? — Другу своему! Потомъ обращается къ той

же тоскѣ, и проситъ ее превратиться въ цвѣты, которыми она любуется, и находитъ однако, что изъ всѣхъ цвѣтовъ, ей милыхъ, *одинъ былъ всѣхъ для нея милѣе!*

Что можетъ разительнѣе изобразить глубокую страсть въ человѣкѣ, какъ такое положеніе, гдѣ онъ любитъ страданіе свое, которое въ его глазахъ произвело цвѣты, всѣ прекрасные, но между коими однако одинъ цвѣточекъ всѣхъ другихъ милѣе!

Въ другой пѣснѣ въ Собр. Г. Кашина, подъ No 2-мъ, разбойникъ, готовясь къ допросу, намѣревается показать предъ самимъ Царемъ, что первый его товарищъ была темная ночь, второй — ножъ булатный, третій — добрый конь, четвертый — лукъ упругой, а разсыльщики — калены стрѣлы.

Въ одной пѣснѣ, въ изданіи 1790 года, подъ No 55-мъ, отецъ и мать

и всѣ сродники отказываются выкупить ихъ преступнаго сына изъ темницы, а выкупаетъ его страстный имъ другъ. Какое естественное противудѣйствіе нравственности и страсти, строгой справедливости и милосердія любви!

Въ заключеніе я не могу не привесть еще одной пѣсни, въ Собраніи Кашина помѣщенной подъ No 5-мъ, потому только, что самыя простыя слова, наши мелодіи сопровождающія, покрываютъ иногда тонкій и глубокій смыслъ, и нѣжнѣйшимъ образомъ изображаютъ горестныя послѣдствія страстью объятаго сердца.

Пѣсня сія составлена въ видѣ разсказа, въ которомъ объясняется, что въ темномъ дремучемъ лѣсу красавица брала ягоды и непримѣтно сбилась съ дороги. Не отыскивая пути къ своему дому, она въ слезахъ говорила своему другу: *слышишь ли ты, мой сердечный другъ? разумѣешь ли,*

жизнь — душа моя? Въ моемъ саду соловей поетъ, а меня беретъ грусть-тоска!

Третья причина, убѣждающая въ подлинности нашихъ простонародныхъ пѣсенъ, основана на доказательствахъ историческихъ. Я сказалъ уже выше, что авторъ предисловія при двухъ первыхъ изданіяхъ выводитъ пѣсни наши отъ Грековъ; но многіе источники, въ Византійскихъ историкахъ открытые, и свидѣтельства путешественниковъ показываютъ предметъ сей въ иномъ видѣ.

Почтенный, извѣстный ученостью и глубокимъ знаніемъ Греческаго языка, обогатившій Русскую словесность переводомъ Гомера, покойный Г. Гнѣдичъ, издавшій въ переводѣ простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ (*), говоритъ между прочимъ, что племена Славянъ, ежегодно опу-

(*) Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ, изданныя и переведенныя И. Гнѣдичемъ; 1825 года.

стопавшія Иллирію, Фракію, Херсонесъ и всѣ области Греческія, не могли не имѣть вліянія на духъ и обычаи тамошняго народа; что впрочемъ въ самой Поэзіи нашихъ пѣсенъ сравненія оприцательныя, составляющія отличительное свойство нашей древнѣйшей Поэзіи, въ Греческой Поэзіи неизвѣстны; что Русскій духъ или, все равно, Славянскій зашелъ къ народу Греческому потому, что Албанія, Этолія, Акарнанія и другія были искони обителями Армаполовъ, непокорныхъ Туркамъ, или Клефтовъ; что многіе воспѣтые Клефты въ сихъ областяхъ подвизались, и конечно между ихъ жителями нашли пѣвцовъ своихъ подвиговъ; что въ Албаніи, Этоліи, Акарнаніи и Аграидѣ озера, города, горы, рѣки, деревни носятъ имена Русскія; (*) что народъ, покрывшій своими названіями

(*) То же изданіе, стр. 37-я.

области Грековъ, долженъ былъ имѣть на ихъ духъ, на ихъ нравы сильное вліяніе; что Славяне въ 6-мъ столѣтіи передъ Императоромъ Византіи хвалился любовью ихъ къ музыкѣ, и проч.

Все сіе доказываетъ, что едва ли пѣсни наши перешли къ намъ отъ Грековъ, у которыхъ нынѣ общенародной музыки нѣтъ: поютъ тамъ слѣпцы, странствующіе по Греціи, какъ говоритъ Г. Гибдичъ; у насъ же безъ всякаго изъятія поются пѣсни во многихъ случаяхъ, и поются всѣми. Самыя мелодіи нынѣшнихъ Грековъ ни сколько на наши пѣсни не похожи, и если опереться на вышеприведенныя историческія показанія, то весьма вѣроятно, что и самая Греческая игра *Клидона*, о которой упоминается въ предисловіи изданія пѣсенъ 1790 года, и пѣсня: *живъ, живъ Курилка*, и другія хороводныя перешли отъ насъ къ Грекамъ, судя по

припѣвамъ имень боговъ древняго Славянскаго поклоненія.

Предоставляя господамъ ученымъ рѣшить дѣло о происхожденіи нашихъ пѣсенъ, я остаюсь увѣреннымъ, что онѣ вышли не отъ Грековъ, а изъ теплаго Русскаго серца; что онѣ дѣйствительно намъ родныя, и что краткія наши мелодіи по времени разовьются, если чужіе напѣвы, искуспою и сложною гармоніею украшенные, и крайняя наша наклонность къ подражанію всему иностранному, не заглушать ихъ.

Между тѣмъ нельзя прямому Русскому не пожелать, чтобы мелодіи наши, особою и національною красотою одаренныя, вводились *Русскими* въ новыя музыкальныя произведенія; я говорю — Русскими потому, что иностранцу, особенно не въ Россіи рожденному и воспитанному, трудно сдружиться съ ними. Великій геній Бетговенъ, помѣстившій нашу мело-

дію въ одномъ своемъ квартетѣ, изломалъ ее ученостью своею; а покойный Тицъ, напѣвомъ своимъ на скрипкѣ въ Европѣ извѣстный, и далеко по искусству въ сочиненіяхъ отъ Бетговена отстающій, помѣстивъ нашу мелодію въ одномъ своемъ квартетномъ минуетѣ, украсилъ свою гостью, потомучто онъ Русскій, и изъ національнаго вкуса не вышелъ. Нынѣ въ отличныхъ музыкальныхъ сочиненіяхъ Мендельсона примѣтны напѣвы Еврейскіе. Въ пѣсняхъ, перешедшихъ отъ Французовъ, и романсами называемыхъ, въ комедіяхъ съ пѣснями, на Россійскомъ языкѣ написанныхъ, и извѣстныхъ подъ названіемъ *водевилей*, хотя изрѣдка, но показываются Русскіе наши напѣвы. Одна Русская опера, названная Силфъ, на которую написалъ музыку Г. Яхонтовъ, лѣтъ тому 25, если не больше, исполнена красотъ національныхъ, и жаль, что сочиненіе сіе по весьма недостаточной

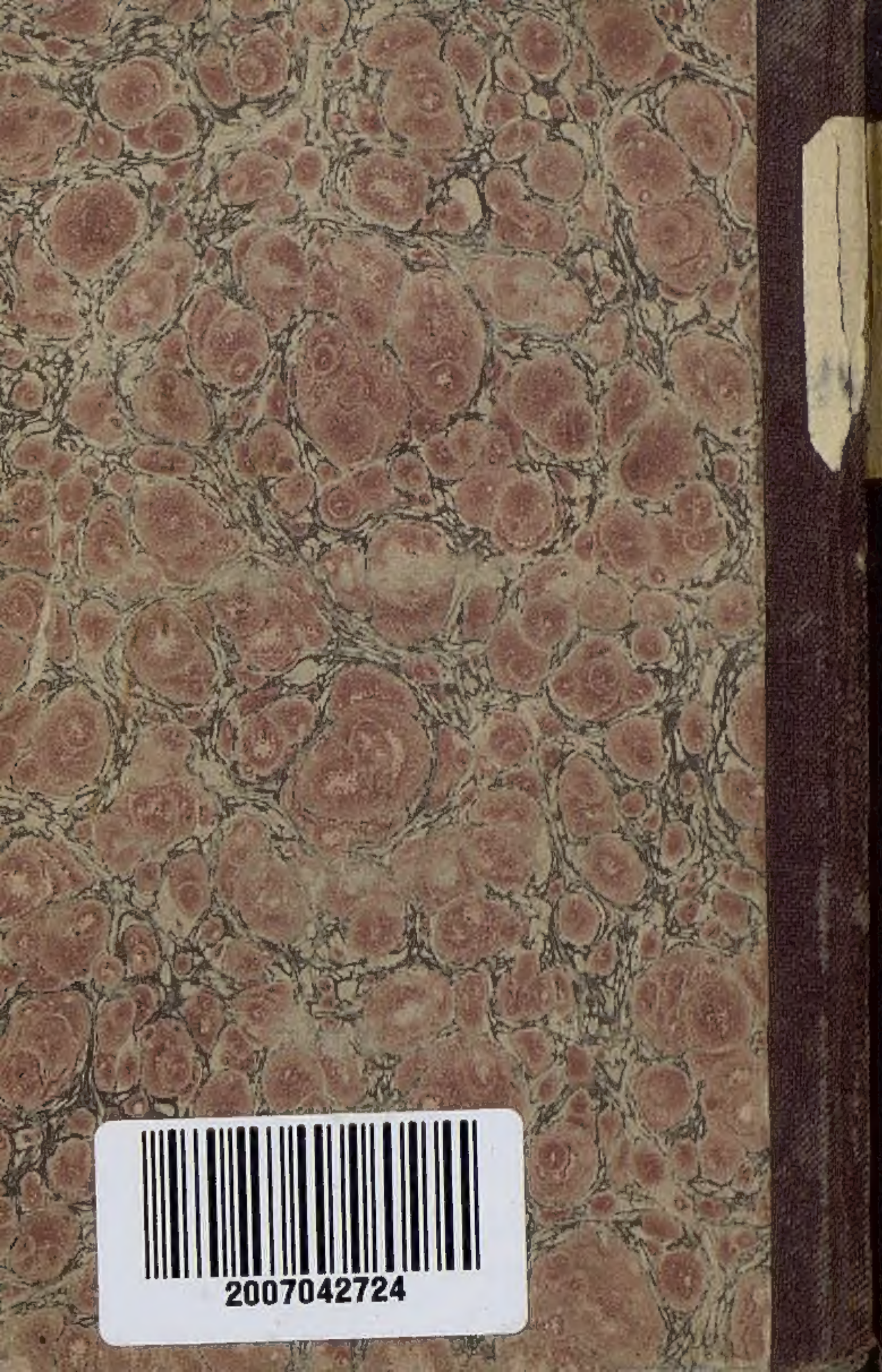
оркестровкѣ осталось безъизвѣстнымъ.

За симъ можно ли не пожелать, какъ я сказалъ выше, чтобъ путь нашей національной музыки былъ шире? — Вездѣ, гдѣ употребляютъ хоры, могутъ ли они быть высшаго достоинства хорныхъ нашихъ пѣсенъ, особливо, когда таковыя въ сліяніи нѣкоторыхъ прошяжныхъ мелодій выработаны будутъ? Вездѣ, гдѣ надобны одиночные новые мотивы, они у насъ готовы. Не уже ли не отыщемъ мы одного годнаго цвѣточка между милліоновъ, во всѣхъ нашихъ климатахъ растущихъ, и будемъ обходить ихъ потому только, что они выросли въ Россіи? Сравнивать романсы и водевили съ Русскими пѣснями я не смѣю; но смѣю спросить, что такое Французская музыка тамъ, гдѣ она въ національномъ платьѣ? Смѣю припомнить, какъ отзывался въ свое время знаменитый Руссо по сему пред-

мету, и откровенно признаюсь, никакъ не понимаю, почему въ извѣстномъ водевилѣ, *la demoiselle à marier*, пѣсня: *Nous allons nous mettre à table*, лучше первой нашей пѣсни, какая встрѣтится?

Впрочемъ за счастіе считать можно, что безцѣнные музыкальные источники наши, намъ родные, сообчественные, не совсѣмъ еще забвеніемъ покрылись, и, хотя рѣдко, но показываются на свѣтъ; источники, которые тамъ, гдѣ Поэзія утратилась временемъ, напоминаютъ донынѣ вдохновенныя молніеносныя слова Поэта, и изображаютъ сами собою образъ мыслей и чувствъ: ибо никто не поспоритъ, что всѣ народныя пѣсни суть живыя и крылатыя провозвѣстники изящняго вкуса, высокаго духа и нравовъ въ отечествѣ.

КОНЕЦЪ.


2007042724